

«ВЕРА И ЛЮБОВЬ К РУССКОЙ МЫСЛИ»: КОНСПЕКТЫ ЛЕКЦИЙ С.Л. ФРАНКА О РУССКОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ

Алексей Алексеевич Гапоненков — доктор филологических наук, профессор Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского. Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского. Российская Федерация, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83. ORCID: 0000-0003-2177-1835.
E-mail: gaponenkovaa@sgu.ru

 Аннотация: Публикуемые впервые четыре конспекта лекций С.Л. Франка хранятся в Бахметевском архиве Колумбийского университета (США). Читались они во второй половине 1920-х — самом начале 1930-х годов в Варшаве, Саарове, Белграде и Берлине. Это несколько страниц черновых текстов, написанных чернилами, с карандашной правкой по старой орфографии, построенных в форме тезисов. Их объединяет одна тема — русская духовная культура. В публикации конспекты расположены последовательно: вначале затронуты проблемы своеобразия русской мысли, религиозного начала в ней, затем утверждается наличие ее двух течений — религиозно-мистического и социально-радикального, которые в единстве и раздельности образуют широкий контекст русской литературы, литературной критики, публицистики и философии XVIII — первой четверти XX века.

 Ключевые слова: С.Л. Франк, история русской мысли, русская литература, религиозная философия, русская духовная культура

Предисловие к публикации рукописных текстов С.Л. Франка включает отдельные положения статьи (Гапоненков, 2012).

Ссылка для цитирования: Гапоненков А.А. «Вера и любовь к русской мысли»: Конспекты лекций С.Л. Франка о русской духовной культуре // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2021. Т. 4, № 1. С. 212–221.

DOI: 10.17323/2658-5413-2021-4-1-212-221

Судя по содержанию рукописных текстов С.Л. Франка «Своеобразие русс<кой> мысли», «Религиозное начало в русской мысли», «Два течения русской мысли» и «Русская духовная культура», он пользовался ими, выступая перед представителями русской эмиграции, в том числе молодыми людьми из Русского студенческого христианского движения, основанного в 1923 году в Чехословакии. Известно, что русский философ помогал разрабатывать идеологию этого движения, его задачи. Он искренне хотел помочь молодым людям, оторванным от родной почвы, найти опору в духовной жизни и читал им духовно-наставнические и религиозно-философские лекции. Трудно было вовлечь в «студенческое христианское движение» «новое, подрастающее юношество», вспоминал Франк в 1944 году, так как оно «имело мало интеллектуальных и религиозных интересов», а «практические руководители “Движения” повели его по пути “скаутизма”; религиозные, а тем более религиозно-философские лекции и кружковые беседы стали только несущественным и мало ценным добавлением к главным занятиям и интересам этой молодежи — спорту, лагерной жизни, хоровому пению и прочему. Коротко говоря, мечта, которой наша группа “религиозных мыслителей” предавалась в первые годы эмиграции — содействовать внутреннему, духовному возрождению русской молодежи, — в значительной степени оказалась иллюзорной...» (Франк, 2001: 515–516). Не все было так безнадежно. В кружках РСХД воспитывались патриоты России и русской культуры, пробуждались религиозные интересы, многие православные священники русского зарубежья вышли оттуда.

Вероятно, использовал Франк публикуемые конспекты (особенно последний — «Русская духовная культура») и когда читал лекции немцам в Русском научном институте и Берлинском университете (1930–1932): о духовных течениях в России, русских мыслителях, мировоззрении русских писателей¹ (отсюда слова: «читаю немцам, но полезно и русским»). Необходимо отметить, что тексты эти лишь на первый взгляд тематически близки к трактату Франка «Die russische Weltanschauung» («Русское мировоззрение», 1926). Вместе с тем они не являются подготовительными материалами к этому сочинению. В них просматривается

¹ См. (Цыганков, Оболевич, 2019: 51).

личное начало, передана обеспокоенность лектора за судьбу молодых русских людей в изгнании («Мы в бытии», «Ужасно, но и утешительно. Глубина падения свидетелствует о размахе духа», «Мы наказаны за наши грехи», «Наша лень и уныние»).

Новому поколению эмиграции предстояло заново открыть ценность русского языка, литературы, искусства, религии, не обращая внимания на те «недочеты», которые субъективно повторяла революционная критика. Первостепенна для Франка была прежде всего русская духовная культура XIX века. И в ней пересекались два течения — *религиозно-мистическое* и *социально-радикальное*.

Для современного читателя содержание публикуемых тезисов имеет важное методологическое и конкретное методическое значение по нескольким гуманитарным дисциплинам: истории русской литературы и философии, литературной критики, истории России, русского зарубежья. Проблемы национального своеобразия русской мысли (не путать с «национализмом в философии!»), «религиозного начала» в культуре остаются насущными для приложения сил многих исследователей, и Франк приводит концептуальные суждения, каждое из которых может быть развернуто дополнительно и очень плодотворно для науки и образования. Филологу и историку философии Франк в этих конспектах помогает решить актуальную литературно-философскую задачу — *рассматривать русских писателей и их произведения как исключительное явление русской мысли*. В краткой форме философ обнаруживает глубины «духовных основ общества», укорененность человека в Боге. В целом, по Франку, художник выражает *само бытие*. Философская идея, объединяющая эти конспекты, — *онтологизм* русской мысли: «Бог — основа бытия».

Понять ее, по мнению философа, можно только исторически, не забывая принцип *всевременности* идей, разрывы и сложное эволюционирование направлений, индивидуальных судеб.

Так, судьба А.И. Герцена волновала Франка с юношеской поры. На страницах ялтинского «Дневника» 1902 года молодой человек приводил в пример эволюцию взглядов этого писателя и мыслителя:

Проблема крепостного права и увлечение делами Европы выдвинуло социальный вопрос и заглушило вопрос политический. Пример *Герцена* — он в своих убеждениях и в их эволюции — типичнее всего отражает это. По натуре он — страстный и природный *либерал*, живущий не для народа и его материальных благ, а для торжества свободы, человеческого достоинства и пр.; и этот человек все же всегда был близок славянофилам, а под конец совсем ославянофилился...

(Гапоненков, Никитина, сост., 2006: 49)

Франк имеет в виду письма «К старому товарищу» (1869) — М.А. Бакунину. Все в русской мысли взаимосвязано, переплетено, противоположно и одновременно часто совпадает в выводах.

Франк включает в «русскую духовную культуру» не только православные ее корни, «русский духовный тип», но и словесность, философию, «область практики» политической, историю направлений и течений. В целом это создает широкий контекст русской мысли от Петра I, А.Н. Радищева, Н.И. Новикова, А.С. Пушкина и Серафима Саровского до «новейшего социализма», культурного Ренессанса начала XX века, осмысления эмигрантской судьбы. Упомянуты 37 исторических имен, а также персонажи художественных произведений.

Прежде всего, Франк говорит о «значении русской мысли, национального начала для духовного развития». Это «живая основа» (курсив мой. — А.Г.), в которой проявляются индивидуальное и национальное «я». Русская мысль, в первую очередь, не представима без «великой русской художественной литературы». «Откуда?» — задается вопросом Франк, имея в виду ее «религиозное начало». И здесь же отмечает, что «художественные дарования не объясняют». Он находит их сокровенный смысл: «Особый реализм русских — последняя правда. Это и есть религиозное начало». Далее следуют примеры: «1) Гоголь — не соц<иальный> сатирик, а обличитель пошлости жизни. Переписка с друзьями и рел<игиозный> кризис. 2) Толстой — художник и мыслитель — раздор между ними — но в обоих — искание “правды”. 3) Достоевский — обнажение последних глубин души и искание Бога». Этот ряд писательских имен продолжают *русские мыслители*: «1) Чаадаев — отвержение родины из-за ее непросвещенности. 2) *Славянофилы* — Киреевский и Хомяков — мечта о русской правде. 3) Герцен — разочар<ование> в Европе. 4) К. Леонтьев — добро как красота и полнота жизни. 5) *Русский социализм* — Белинский — искание правды».

В истории русской духовной культуры соединялись Радищев и Новиков, И.Г. Шварц, энциклопедизм французский и немецкая мистика. В 1830-е годы заявили о себе кружок Станкевича и кружок Герцена, «Архивны юноши», Чаадаев. 1840-е годы были эпохой славянофилов и западников, столкновения между Гоголем и Белинским. Далее вырастают гении Ф. Достоевского, Л. Толстого, К. Леонтьева, Вл. Соловьева и рядом — линия нигилизма, народничества и революционного социализма. Сборник «Вехи» ярко опознал эту противоположность.

Полемика вокруг двух событий («Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя и «Вехи») русской духовно-интеллектуальной истории XIX — начала XX века характеризует состояние умов, религиозно-нравственные и социальные идеалы, отношение к власти, церкви. И она на сегодняшний день не закрыта.

Историческое значение «Вех» заключено в переоценке «самих духовных основ господствующего мирозерцания» (Франк, 2001: 457).

Находит Франк и «внешнее сродство» двух течений, приводя примеры. Правительство Николая I преследует славянофилов. «Сродство Алеши и Ивана» в «Братьях Карамазовых» Достоевского — социализм и Бог. «Судьба Алеши в не-написанной части романа». «Два варианта марксизма (Струве и Ленин)».

Парадоксом Франк объясняет «бессознательную религиозность русского атеизма» (Герцен, Белинский, Добролюбов). «Общественные искания религиозного типа» у Чаадаева, славянофилов, Достоевского — «из идей обожения, преобразования мира». Тип русского интеллигента — «бескорыстный искатель правды и бунтарь, гордый спаситель мира».

О Достоевском скажем особо. Франк написал к 50-летию смерти Достоевского статью «Вера Достоевского» для берлинской газеты «Руль» (8 февраля 1931). Текст этот очень емко характеризует существо веры писателя — в Бога, человека и мир, в Россию. Вера Достоевского «побеждает всякий скептицизм и пессимизм» (Франк, 1996: 355), преображая земную жизнь в любви к «клейким весенним листочкам», к «мать сырой земле». Вера в человека, носителя «чуда свободы», Достоевским осмыслена через соблазны и падения как вера в «богоподобную человеческую личность» (Там же: 356). И наконец, Россия и русский народ находят свое место в отношении к человеку: «нет ничего легче, чем издеваться над верой Достоевского в русский народ, как в “народ-богоносец”. <...> Вера в русский народ, как и вера в человека вообще, есть у Достоевского вера в *воскресение, в нравственное возрождение падшего, греховного существа*» (Там же). Как видим, Франк специально останавливается на христианских мотивах Достоевского.

Философа привлекла концепция *христианского гуманизма* писателя. Помещающая проблему человека у Достоевского в широкий срез европейской философской мысли, в процесс, который осознан как «кризис гуманизма», Франк утверждал, что Достоевский острее всего «пережил» этот кризис и «сумел по-своему, на совершенно новых путях, *преодолеть* его» (Там же: 364). Достоевский был погружен в «подлинную» глубину человеческого духа, он показал и полный «распад личности», и обычные пороки, и патологические потенции человека. Писатель не отступил от признания человеческой *вины*, подчеркнул этический момент «оскорбленного чувства человеческого достоинства» (Там же: 365).

Подводя итог своим размышлениям о Достоевском, Франк писал:

Все, даже самые идеальные, мерил добра, правды и разума меркнут перед величию самой *онтологической реальности* человеческого существа. Этим определена глубокая, трогательная *человечность* нравственного мирозерцания Достоев-

ского. Можно сказать, что Достоевскому в сущности впервые удалось настоящий *подлинный* гуманизм — просто потому, что это есть *христианский гуманизм* (выделено мной. — А.Г.), который *во всяком*, даже падшем и низменном человеке видит человека как образ Божий.

(Там же: 366)

По сравнению с более отвлеченным гуманизмом, о котором говорил Франк в сборнике «Вехи», такое восприятие гуманизма через призму христианской веры явилось *новым* для философа и необычайно *жизненным*.

В тексте конспекта «Религиозное начало в русской мысли» обнаруживаем зачеркнутые слова: «Русское понятие “правды”. Определение Михайловского». Восстановим ход мысли Франка. Теоретик народничества Н.К. Михайловский имел свое философское учение: «Безбоязненно смотреть в глаза действительности и ее отражению — правде-истине, правде объективной, и в то же время охранять и правду-справедливость, правду субъективную — такова задача всей моей жизни» (Михайловский, 1906: V). Помимо объективной «правды-истины», «фатального антагонизма» личности и общества, Михайловский призывал видеть «правду-справедливость» в защите интересов человека.

Логика мысли Франка вновь возвращает к определению: «Что такое религиозное начало? Не всегда совпадает с религиозной мыслью и верой. Мысли и слова о Боге — и чувство Бога». Франк расширяет сферу приложения этих смыслов до конкретно исторического, национального масштаба.

Чрезвычайно интересен предпринятый Франком анализ двух духовных типов русской ментальности: «утвержденный в Боге» и «ищущий правды». Философ выделяет тип *русского святого* с его характеристиками — «благостность, покой». В этом смысле Франк видит «своеобразие русской церкви». К этому типу он относит литературного персонажа из «Войны и мира» — Платона Каратаева, и «как образец» — Пушкина. Вспомним позднейшую статью философа о великом поэте — «Светлая печаль» (1949). Другой, «динамический тип» Франк характеризует «жаждой преобразования мира» (Достоевский, Федоров). Находит он здесь место и для *русского социализма*, противоречивой «атеистической религии». Отчасти к этим двум духовным типам принадлежат славянофилы и западники.

В русской истории, по Франку, произошло «превращение противоположности этих типов в разрыв между верой и религиозным бунтарством, восстанием против Бога». Выход из создавшейся ситуации — «задача воссоединения и гармонического сочетания онтологизма с динамизмом. Оба начала в отдельности грозят вырождением — второй — в бесовство, первый — в мертвый индиффе-

рентизм. — Но первый есть *фундамент*». Таков духовный потенциал русского человека.

Чтобы прийти к гармонии двух типов, необходимо, как считает Франк, обращаясь к молодой аудитории студенческого христианского движения, «осознание религиозного начала вообще». На первый взгляд, эта мысль проста и не нуждается в подтверждении. Но Франк настаивает на «неосознанности» религиозного начала в русской светской культуре, в том числе и русскими мыслителями XIX века (исключение он делает «только» для Вл. Соловьева). То же можно сказать и в отношении современной ситуации. В преподавании гуманитарных дисциплин в школе и вузе до сих пор игнорируется «религиозное начало» как таковое. Мало говорят и о «своеобразии русской мысли», стремясь нарочито подчеркнуть ее «вторичность», подчиненность западной цивилизационной модели.

Пример культурного «разрыва», по Франку, весьма красноречив — Пушкин и Серафим Саровский, жившие почти в одно и то же время. В социальной сфере этот разрыв соответствовал противоречию «между низшими и высшими классами». Больше того, Франк объясняет «революцию как следствие этого разрыва и как очистительный процесс». Особенно серьезным стал «культурный разрыв» после Петра I: «западническая образованность и исконно православная духовная культура». Попытки их соединения (Гоголь и славянофилы) не достигают цели. Для И.С. Тургенева народ — Сфинкс. Н.А. Некрасов слышит «в столицах шум, гремят витии», а в провинции, «во глубине России — там вековая тишина», общественное безмолвие. Славянофилы и народники поклоняются простому народу. А.П. Чехов скептически относится к нему. Социальный разрыв усиливается с отсутствием промежуточного звена между дворянством и крестьянством.

Революция вызрела как «крушение надломленного, но она привела к новым разрывам». Обозначился «ясный водораздел между религиозным и атеистическим направлением с торжеством цинического материализма». На новом уровне возникли проблема единства культуры, творческие задачи перед эмиграцией и на родине.

Несмотря на противоречия и борьбу, атеизм, переходящий в цинизм, Франк видит «неизбежность *цельной культуры*» в России. И формулирует как одну из задач русского студенческого христианского движения: «необходимость широты, универсальности, чтобы остаться верным русскому духу».

Универсальность и широта русской духовной культуры в наше тревожное время объективно выступают против глобальных трансформаций, подрыва основ христианской цивилизации в национальных государствах. Очень своевременно звучит завет Франка: «Если мы верим в реальность России, то мы должны верить в русскую мысль».

Литература

Гапоненков, 2012 — *Гапоненков А.А.* Две парадигмы в контексте русской мысли // *Общая тетрадь. Вестн. Московской школы политических исследований.* 2012. № 1. С. 115–126.

Гапоненков, Никитина, сост., 2006 — С.Л. Франк. Саратовский текст / сост. А.А. Гапоненков, Е.П. Никитина. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2006. 288 с.

Михайловский, 1906 — *Михайловский Н.К.* Полн. собр. соч.: В 10 т. 4-е изд. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1906–1909. Т. 1. 1906. 986 стб.

Франк, 1996 — *Франк С.Л.* Русское мировоззрение / сост. и отв. ред. А.А. Ермичев. СПб.: Наука, 1996. 744 с.

Франк, 2001 — *Франк С.* Непрочитанное... Статьи, письма, воспоминания / сост. и предисл. А.А. Гапоненкова и Ю.П. Сенокосова. М.: МШПИ, 2001. 592 с.

Цыганков, Оболевич, 2019 — *Цыганков А.С., Оболевич Т.* Немецкий период философской биографии С.Л. Франка (новые материалы). М.: ИФ РАН, 2019. 272 с.

“FAITH AND LOVE TO RUSSIAN THOUGHT”: LECTURES BY S.L. FRANK ON RUSSIAN SPIRITUAL CULTURE

Alexey A. Gaponenkov — Doctor of Philology, Professor at Saratov State University named after N.G. Chernysheskij. Saratov State University named after N.G. Chernysheskij. 83 Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-2177-1835
E-mail: gaponenkovaa@sgu.ru

 Abstract. Four lecture notes by S.L. Frank which kept in The Bakhmeteff Archive of Columbia University (USA) are published for the first time. Lectures were read in the second half of the 1920s the very beginning of the 1930s in Warsaw, Saarow, Belgrade and Berlin. These are several pages of draft texts, written in ink with pencil editing according to the old spelling, built in the form of abstracts. They are united by one theme — Russian spiritual culture. In the publication, the abstracts are arranged sequentially: first, the problems of the originality of Russian thought, the religious principle in it are touched upon, then the presence of its two currents is affirmed — the religious-mystical and the social-radical, which, in unity and separation, form a wide context of Russian literature, literary criticism, journalism and philosophy 18th — first quarter of 20th century.

 Keywords: S.L. Frank, history of Russian thought, Russian literature, religious philosophy, Russian spiritual culture

 For citation: Gaponenkov, A.A., 2021. “Faith and Love to Russian Thought”: Lectures by S.L. Frank on Russian spiritual Culture. *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 4(1), 212–221. (in Russ.)

 DOI: 10.17323/2658-5413-2021-4-1-212-221

References

Gaponenkov, A.A., 2012. Dve paradigmy v kontekste russkoi mysli [Two paradigms in the context of Russian thought]. *Obshchaya tetrad'*. *Vestnik Moskovskoi shkoly politicheskikh issledovaniy*, (1), 115–126.

Gaponenkov, A.A. and Nikitina, E.P. eds., 2006. *S.L. Frank. Saratovskii tekst* [S.L. Frank. Saratov text]. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta Publ.

Frank, S.L., 1996. *Russkoe mirovozzrenie* [Russian worldview]. Compiled and edited by A.A. Yermichev. St Petersburg: Nauka Publ.

Frank, S., 2001. *Neprochitannoe... Stat'i, pis'ma, vospominaniya* [Unread... Articles, letters, memories]. Compilation and foreword by A.A. Gaponenkov and Yu.P. Senokosov. Moscow: MShPI Publ.

Mikhailovskii, N.K., 1906. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works]. 10 vols. 4th ed. Vol. 1. St Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha Publ.

Tsygankov, A.S., Obolevitch, T., 2019. *The German Period of Philosophical Biography of S.L. Frank (New Materials)*. Moscow: IF RAN (in Russ.).